

Войтех Мастны

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И БУДУЩЕЕ
СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ***

Все, что связано с Восточной Европой, имеет для Москвы огромное значение. Никакой другой регион мира, за исключением самого Советского Союза, не играет столь решающей роли в определении будущего советской системы власти. Даже отношения с Соединенными Штатами не влияют так сильно на само существование этой системы (если не считать маловероятную возможность войны между сверхдержавами). Не так значительны и отношения с Китаем, в которых Москва может легко предотвратить опасный поворот. Восточная Европа имеет особое значение, потому что шесть стран Варшавского Договора, формально считающиеся „заграничными“, по сути дела являются частью разросшейся советской империи, и, следовательно, как таковые, они особенно уязвимы.

Эта своеобразная ситуация представляет собой амбивалентное наследие сталинской политики, поскольку Сталин рассматривал расширение империи как основную гарантию безопасности Советского Союза. И вот, сорок лет спустя, империя стала главным источником советских беспокойств. Только в Восточной Европе (за исключением особого случая Афганистана) Советский Союз неоднократно прибегал к военному вмешательству.

* По-английски статья была опубликована в журнале "SAIS Review", Winter—Spring 1985.

ву для сохранения своих интересов.

В 1945 году, во время формирования империи, Джордж Кеннан с удивительной точностью предсказал возможный ход событий:

„Русское правительство взвалило на себя тяжелую ответственность: ему придется теперь удерживать в подчинении завоеванные страны. Ведь нет никакого сомнения в том, что народы этих стран будут возмущены русским господством, не смирятся с ним, а успешные их выступления против власти Москвы могут пошатнуть всю структуру советской мощи.

С точки зрения Москвы, новая позиция России в мире зависит прежде всего от того, сможет ли советское государство успешно закрепить свою власть над недавно завоеванными народами, сделать их частью традиционной политической структуры русского народа, превратить завоевания в источник силы, а не слабости. Таков реальный вопрос будущего России”.¹

Кеннан основал свои предсказания на остром историческом чутье, наличие которого чаще приписывают восточноевропейской, включая русскую, а не западной политической культуре. Как бы то ни было, восточноевропейцы традиционно склонны искать объяснения своему настоящему положению в опыте прошлого. В далекой перспективе советская империя, так же как и ее предшественники, может рассматриваться исключительно как переходный этап. Другой американский политик, разбирающийся в истории — Генри Киссинджер — в начале своей карьеры в правительстве напоминал как об элементарной истине о расцвете и распаде империй (он, однако, не нашел понимающей аудитории, когда применил эти рассуждения к Соединенным Штатам). Будучи государственным секретарем в кабинете Форда, Киссинджер осмелился предсказать, что советская проблема может иссякнуть через одно-два поколения.

Однако недостаток предсказаний в такой далекой перспективе в том, что предсказать неизбежное намного легче, чем рассчитывать когда и как это произойдет. Тем не менее, представляет

ся возможным и даже необходимым рассматривать настоящее как стадию процесса, начатого в 1945 г. (а, скорее, в 1939, когда Сталин, заключив союз с Гитлером, впервые стал искать „безопасности” с помощью империалистической экспансии), и конца которого пока не видно. Обзор с исторической позиции поможет увидеть перемены, произошедшие за эти годы, а не просто фиксировать то, что не менялось.

Неизменный фактор самоочевиден и не дает существенной информации: это прежде всего стремление и решимость московского руководства сохранить контроль над Восточной Европой. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы помешать одной из стран, Югославии, избежать советской хватки в самый момент формирования империи, а также, чтобы впоследствии удержать другую страну, Албанию. Остальные страны, включенные в советскую орбиту в 1945 году, до сих пор подчиняются воле Москвы, но и в них тоже кое-что изменилось.

Различия внутренних условий отдельных стран и их отношений с Москвой являются истинной мерой произошедших изменений. В период, который начался в 1948 г. и кончился вскоре после смерти Сталина, Советский Союз систематически пытался превратить эти страны в свою точную копию. Сегодня, однако, мало что осталось от этих бесплодных попыток превратить в однообразие разнообразие в этой части Европы, знаменитой своей неоднородностью. Не только исторические различия укрепились, но к ним прибавились новые, так что теперь можно даже предсказать, что этот регион вновь превратится в нечто сходное с „Балканами” XIX века.

В те времена Европа считалась пороховой бочкой континента — и не без основания. Не вызывает сомнения, что неконтролируемый динамизм местных националистических движений стал одной из причин первой мировой войны. В последнее время появились прогнозы (характерно, однако, что среди их авторов нет специалистов из Восточной Европы и Советского Союза), что этот регион может опять „взорваться” и даже привести к войне между сверхдержавами.² С другой стороны, советские представители всегда изображают свою страну незаменимой „Ordnungsmacht“ (властью порядка) — единственной, способной удерживать крышку на котле националистических страстей.

Так, в 1968 году, после советского вторжения в Чехословакию, председатель президиума Верховного совета Николай Подгорный в беседе с послом Соединенных Штатов Джейкобом Бимом заявил, что эта акция предотвратила „начало новой мировой войны”.³

Подобные утверждения абсурдно приравнивают Советский Союз к Британии XIX века, предпочитавшей держать непокорные народы распадающейся Оттоманской империи под своим покровительством во имя международной стабильности. Но если и существует сходство между Советским Союзом и великой державой той эпохи, то не с Великобританией, а с Австро-Венгрией. Это сходство не слишком утешительно для Москвы, несмотря на ностальгию, испытываемую народами Восточной Европы, познавшими последующие альтернативы империи и склонными теперь сожалеть о ее исчезновении, которому так способствовали их предки.

Угасание жизнеспособности правящей нации, вызванное постоянно увеличивающимся численным превосходством этнических групп, возмущенных претензиями на господство, — столь же тревожит Москву, как и политический тупик в Восточной Европе, напоминающий годы упадка Австро-Венгрии. Но в Австро-Венгрии хотя бы процветала интеллектуальная деятельность, порождавшая многочисленные плодотворные предложения по поддержанию жизнеспособности империи посредством удовлетворения разнообразных интересов входящих в нее наций — до тех пор, пока первая мировая война не перевернула все вверх дном. Интеллектуальная бесплодность, характеризующая сегодняшнюю советскую политику, представляет разительный контраст.

Насколько взрывоопасна Восточная Европа сегодня, по сравнению с годами, предшествующими 1914-му? Изменения в этом регионе более указывают на различия, чем на сходства между кризисом, приведшим к первой мировой войне, и сегодняшней ситуацией. После восстановления в 1919 году мира, условия которого вызвали широкие протесты по всей Восточной Европе, в этом регионе сохранили остроту многие межнациональные проблемы. Со временем, эти проблемы стали сглаживаться, но в 30-е годы державы, как Германия и Италия, не

входившие в этот регион, стали их обострять в своих интересах. Вторая мировая война началась в Восточной Европе, но она была вызвана не неизбывными восточноевропейскими проблемами, а стремлением фашистских держав манипулировать, как пешками, народами этого региона.

Вторая мировая война обострила националистические противоречия в Восточной Европе, да и в остальном мире. Но она породила и новые усилия по преодолению разделяющего национализма посредством создания структур регионального сотрудничества, таких как планы конфедераций между Польшей и Чехословакией или Югославией и Болгарией. Планы эти так и не осуществились, но не потому, что были несовершенно, а потому, что Советский Союз предпочитает другой вид международного урегулирования. Советские порядки были установлены в этих странах деспотическим путем. Негодующие народы никогда не принимали это положение вещей как нормальное и даже после смены поколений лишь поневоле мирятся с ним. Впервые в истории Восточная Европа стала частью не нескольких, а одной империи. Кроме того, новый гегемон рассматривается подвластными нациями как отсталый во всех отношениях, превосходящий их страны лишь грубой силой. Между тем, гегемон этот принялся лепить их по своему подобию более усердно, чем все его предшественники.

Пребывание под пятой Москвы способствовало объединению народов Восточной Европы — их общее возмущение оттеснило межнациональные распри. Кроме того, природа этих распри изменилась. Границы, например, не вызывают более серьезных разногласий: миротворцы 1919 г. нашли оптимальные решения. Примечательное исключение составляет лишь изменение границ Польши и Прибалтийских стран, своевольной произведенные Советским Союзом во время второй мировой войны. Эти изменения вызвали глубокое и не проходившее возмущение. Мало что осталось от узколобого национализма, вращавшего ненависть на почве невежества и физической изолированности. Народы Восточной Европы и ныне не питают глубокой любви друг к другу, но сейчас они, во всяком случае, лучше друг друга знают. Поездки за границу, хотя и ограниченные по сравнению с западным стандартом, распространены больше

чем когда бы то ни было прежде. К тому же, благодаря революции в средствах массовой информации, сделавшей доступными западные источники, жители Восточной Европы оказались среди наиболее информированных народов мира.

Процесс политического созревания Восточной Европы делает маловероятной новую вспышку националистических страстей. Во всяком случае здесь вряд ли произойдет что-либо подобное событиям в Северной Ирландии или в стране Басков. Кризис, потрясший Польшу до самых ее основ, стал свидетельством сдержанности национальных страстей, продемонстрировал политическую проницательность и чувство ответственности. Это особенно замечательно для народа, не отличавшегося прежде подобными качествами. Практически никто в Восточной Европе не ориентируется на выход в ближайшем будущем из Советского блока как на нечто возможное или хотя бы желательное, даже те, кто находят власть Москвы невыносимой. Память о неудавшемся венгерском восстании 1956 года укрепила такой подход.

Но со времени этого поворотного события история Восточной Европы изобиловала иными вызовами советским порядкам. Невероятное разнообразие этих вызовов не перестает удивлять наблюдателей. Очевидная непредсказуемость развития событий в этом регионе подчеркивает ненадежность так называемого ялтинского раздела Европы, который, однако, устраивает не только Советский Союз, но и многих на Западе (хотя и по другим причинам).⁴ Вызовы, бросаемые Советскому Союзу, становясь все более искусными и сложными, вскрывают его неподготовленность и нежелание реагировать эффективно.

В 1968 г. попытка чехословацких реформаторов „оживить” марксизм, придав ему „человеческое лицо”, поставила под вопрос самую суть коммунизма советского образца. В статье, написанной в мае 1945 г., Кеннан предсказал, что захваченные Москвой западные земли могут стать для советской империи таким же рассадником идеологической крамолы, какими они были для царей.⁵ Несмотря на существенную близость чехословацкой идеологии советской, этот вызов кремлевским правителям был не менее революционным, чем брошенный царской автократии радикальными социалистами западных стран перед

первой мировой войной. Хотя пражские реформисты пытались изменить систему „изнутри” эволюционным путем, логическим результатом этих усилий было бы создание общества, однородного демократическому.

Но к 1968 г. марксизм уже не был основой советского правления в Восточной Европе, если он когда-либо вообще составлял эту основу. На бурных встречах с чехословацким Политбюро в разгар кризиса Брежнев и его соратники продемонстрировали полное презрение к коммунистическому идеализму.⁶ Далеко позади осталось время, когда распространение советской системы ассоциировалось с распространением коммунизма; позиция московского руководства также свидетельствовала о безнадежности попыток реформации системы путем „оживления” ее идеологии.

Советское вторжение дискредитировало „коммунизм с человеческим лицом” не только тем, что отняло у него все шансы на успех, но и потому, что даже самые ярые его сторонники осознали противоречия, заключенные в этом определении. Во всяком случае, никто больше не пытался бороться с советской системой в Восточной Европе, выдвигая альтернативный вариант марксизма. Не только сама доктрина потеряла притягательность, но утратил смысл поиск альтернативы, поскольку стало очевидным, что советское правление основывается не на марксистской идеологии, а исключительно на силе. В 1945 г. Кеннан писал, что советская политика „не имеет идеологической основы, способной вдохновить народы региона, объединить их в политический монолит, стремящийся к общей цели. Марксизм как таковой устарел”.⁷ И действительно, восстановление стабильности империи, после вторжения в Чехословакию, основывалось не на создании единообразия, обусловленного общей идеологией. Напротив, Советский Союз согласился на некоторое разнообразие, пытаясь таким путем укрепить политическую и экономическую зависимость других стран, удержать их под своим контролем. Таким образом, идеологические стимулы, прежде использовавшиеся для поддержания единства блока, уступили место стимулам материальным, и на заднем плане в качестве последнего средства постоянно вырисовывается военная сила.

Москва пыталась сократить субсидии странам Восточной

Европы, чтобы превратить их из экономически пассивных в активные. В середине 70-х годов Советский Союз, с одной стороны, ужесточил условия торговли (главным образом, изменением условий поставок топлива и сырья), со странами Восточной Европы. С другой стороны, им было позволено получать займы, современную технологию и даже потребительские товары на Западе. Не ясно, был ли этот политически рискованный ход запланирован Москвой или произошел по ошибке, но растущий экономический обмен между странами Восточной Европы и Западом (куда более широкий, чем тот, на который рисковал пойти сам Советский Союз, с его более здоровой экономикой) стал к концу 70-х годов важным дестабилизирующим фактором.

Конец десятилетней стабильности в этом регионе был положен польским кризисом. Экономический упадок, дискредитировавший польский режим, ускорил наступление кризиса, но вызов, брошенный советскому правлению, объясняется не только этим упадком; он был более сложным и глубоким. Научившись многому на венгерском и чехословацком опыте, поляки не пытались ни вырваться из советского блока, ни преобразовать его изнутри. Наоборот, польская оппозиция применила давление на слабеющий режим „снаружи”, с целью заставить его пойти на определенные уступки, которые впоследствии изменили бы его. Главной задачей оппозиции было не перенимать ответственность и обязанности правительства, а повлиять на методы его правления. Вызов выразился в спонтанном, но в то же время высоко дисциплинированном движении масс, которое не было ни насильственным, ни идеологическим, но, скорее, глубоко политическим, и поэтому с ним было особенно трудно совладать.

Советскому Союзу было трудно иметь дело с самой антисоветской страной, к тому же занимающей первое место среди стран Восточной Европы по численности населения, во время беспрецедентного экономического упадка, но неуловимый политический характер польского кризиса наиболее полно объясняет крайнее нежелание советского руководства прибегнуть к прямому военному вмешательству. Чтобы принять этот вызов, Москве потребовалось больше времени, чем в случаях с Чехословакией и с Венгрией (или с Германией в 1953 г.); скорее всего, он так и не был принят. Вполне возможно, что из-за отказа

русских нести ответственность за решение кризиса, это решение так и не было найдено. Проблема заключалась в масштабах участия в политической жизни. Введение военного положения и запрет такого участия не обеспечили достижение целей, поставленных режимом; удалось лишь восстановить порядок в очень узком смысле этого слова.

В то время, как нежелание советского руководства применить военную силу легко объяснимо, намного труднее понять путь вмешательства, который был в конечном итоге избран, и который, кстати, говорит намного больше о будущих тенденциях, чем военное вторжение. Несомненно, Москва одобрила военный переворот в Польше в декабре 1981 г. (хотя, возможно, только после успешного его завершения), но убедительных доказательств, что генерал Ярузельский и его соратники были просто советскими пешками, пока нет (и, возможно, никогда не будет).

Польские события неопровержимо доказали наличие в Восточной Европе группировок, заинтересованных в поддержании статуса кво, которые намерены и способны сохранить свои привилегии, и их мотивировки, возможно, не были продиктованы Москвой.

Специфические интересы этих группировок необязательно совпадают с советскими интересами. В случае с Польшей, такое совпадение интересов, несомненно, существовало, однако, оно отсутствует в Румынии. Интересы правящих слоев могут также совпадать или не совпадать с интересами подвластных им людей. Такое совпадение существует в большей степени в Венгрии и, возможно, в несколько другом виде, в Болгарии, но не в Чехословакии и не в Восточной Германии.

В затянувшийся период слабости московского руководства, начавшийся в последние годы правления Брежнева, возросла роль восточно-европейской элиты, как политических актеров, представляющих свои собственные права. В такой ситуации, обновленное советское руководство может расширить свободу действий наиболее утвердившихся и опытных правителей Восточной Европы в тех сферах, где Советский Союз не имеет своих интересов или не определил их. Учитывая многочисленность внутренних и международных проблем, стоящих

перед Советским Союзом, области эти со временем будут, вероятно всего, расширяться, а не сужаться.

Как же воспользовались восточноевропейские режимы теми возможностями, которые породила столь необычная ситуация? Каждая страна действовала по-разному, в зависимости от ее политической культуры. Сходство проблем, стоящих перед шестью странами, снова подчеркнуло их исторические различия, которые лишь увеличились в результате коммунистического правления.

На Болгарию приходится самое длительное в подвластной Советскому Союзу Восточной Европе правление одного лидера — Тодора Живкова. Правление это отличается глубочайшим просоветским конформизмом. Этому способствовала удержавшаяся здесь традиция русофильства, от которой не осталось и следа в других странах региона. Однако, возможно, что эта внешняя форма обманчива. Исторически сложившееся представление, что Болгария охотно приемлет все русское, подрывает, к примеру, попытка военного переворота в 1965 г., который хотя и не был антисоветским, но имел целью отвоевать для Болгарии нечто большее, чем видимость партнерства.⁸ Со времени подозрительно мягкого подавления этого заговора, болгарское правительство постоянно подчеркивает историческую самостоятельность нации, одновременно рассуждая о якобы полном совпадении интересов Болгарии и Советского Союза. Оно пыталось стать наиболее активным партнером Москвы в совместных авантюрах за рубежом (например, болгарское участие в покушении на папу Иоанна Павла Второго). Участвуя в таких темных авантюрах, болгары все-таки гораздо больше, чем Советский Союз, заботятся о своей репутации на Западе. Но это их стремление вряд ли сможет привести к изменению политического курса Болгарии. Не способствует изменениям и сравнительно неплохое состояние болгарской экономики, всегда используемой Москвой в качестве рекламы централизованного планирования советского образца и, следовательно, не обремененной чрезмерной задолженностью западным кредиторам. Даже после ухода Живкова со сцены (что может произойти в ближайшем будущем) вероятность, что его преемники будут добиваться расширения свободы действий, меньше, чем в других стра-

нах советского блока.

Наибольших результатов в получении свободы действий достигли румынские вожди. Они продемонстрировали впечатляющее умение определять границы советского терпения и даже выходить за них. Непостижимым образом Румынии удалось пожать плоды этого терпения, хотя Сталин настаивал на важности безраздельного подчинения этой страны, исходя из ее стратегического значения. Однако при его преемниках Румынию пришлось отодвинуть в их расчетах на задний план.

Но чего же добились румыны, за исключением чувства удовлетворения, испытываемого семьей Николае Чаушеску и окружающими его подхалимами, — возможно, самой развращенной правящей группой в Европе? Из-за неумелого управления экономикой (лишь в Польше оно было хуже) жизненный уровень там — самый низкий в советском блоке, а репрессии, включая притеснения национальных меньшинств, — одни из самых жестоких. Румынская относительно независимая международная политика, конечно, раздражает Москву, но не приносит и Румынии положительных результатов. Поэтому, не удивительно, что румынский метод борьбы за автономию, с его особым видом авторитаризма и неопотизма, не вызвал и не мог вызвать подражания.

Нынешний польский режим имеет столь же узкую, как и в Румынии, общественную базу, столь же неспособен к хозяйствованию и склонен к репрессиям. Но Чаушеску начинал как признанный румынский националист и это мнение о нем до сих пор сохраняют многие его соотечественники, а Ярузельского и его „соратников” всегда считали предателями своего народа. К тому же, перед ними стоят более сложные проблемы — сохранение доверия Москвы и хотя бы видимости порядка в стране.

И вот что парадоксально: режим, который теоретически должен обладать наибольшей свободой действий поскольку он совершенно незаменим для Москвы (так как он предотвратил дальнейшее ослабление советской позиции в Польше после того, как все другие варианты не сработали), режим этот, по-видимому, не способен реализовать эту возможность. В отличие от „византийской” изысканности румын, польские правители продемонстрировали чрезмерную жесткость и заносчивость — видимо, это естественно в стране, где военные традиции обладали

высоким престижем. Однако прежде успешные предводители в военной форме чаще всего имели опыт политической деятельности, как, например, Пилсудский в довоенной Польше, от которого так сильно отличается Ярузельский. Отличается нынешнее польское правительство и от болгарского — не столько нежеланием формулировать и преследовать собственные интересы, сколько неспособностью это сделать.

В этом отношении нынешняя Польша отстает даже от Чехословакии, хотя это отставание проявляется в довольно необычной форме. С одной стороны, Прага совершила нечто, на что Варшава не осмелилась: открыто объявила о недовольстве чехословацкого народа по поводу важнейшего пункта советской внешней политики — размещения советских ракет на территории Чехословакии. Заявление это было очень осторожным и косвенным: сообщили о „пачках” критических писем, получаемых партийной газетой, — но все же это было сделано.⁹ С другой стороны, чешское правительство, наиболее реакционное в нынешней Восточной Европе, остается ярким защитником ортодоксальности, превосходя в этом даже Москву. Оно не только рьяно клеймит любые отклонения, наблюдаемые в „братских” странах, но и упражняется в оскорблениях и враждебных акциях против Запада.

Приход более изобретательной и менее жестокой политики в Чехословакии затруднен не тем, что покамест отсутствуют проблемы настоящие требующие этого, как в Болгарии, а из-за медленности и незаметности их усугубления. Так, Хартия 77, выступающая против пражского режима — наиболее стойкая диссидентская группировка в Восточной Европе; но группа эта малочисленна и почти изолирована от политически пассивного населения. Трудно оценить и значение религиозного возрождения среди чехословацкой молодежи — явления необычного для этой, в основном, светской, нерелигиозной страны. Назревают и другие проблемы — от устаревающего индустриального оборудования, до быстро прогрессирующего разрушения окружающей среды. Эти проблемы требуют решительных действий, однако, вряд ли они встряхнут режим, единственный способ выживания которого — неподвижность.

Размещение советских ракет не только в Чехословакии,

но и в Восточной Германии, вызвало волну протестов, более явных, чем в других восточноевропейских странах. В ГДР режим, славящийся наиболее надежным союзником Москвы, с симпатией отзывался об оппозиции Протестантской церкви по поводу этого размещения.¹⁰ Возможно, репутация режима, как полностью просоветского, обманчива. ГДР не было присуще раболепие, которое стало отличительной чертой официальной чехословацкой политической линии. ГДР — наименее стабильное государство в Восточной Европе из-за искусственности происхождения и постоянной неуверенности, что его существование и впредь будет оправдано высшими интересами Советского Союза; руководству ГДР приходится прикладывать гигантские усилия, чтобы убедить Москву в своей незаменимости. Систематические усилия в этом направлении представляют собой целостную политику „национальных интересов”, разработанную правящей верхушкой — наиболее последовательную политическую доктрину в советском блоке, возможно, за исключением Румынии. Но политика ГДР может оказать большее влияние на будущие события.

Специфические „национальные” интересы проницательных правителей в Восточном Берлине иногда противоречат советским — как в 1971 году, когда Вальтер Ульбрихт зашел слишком далеко, пытаясь предотвратить зарождающееся улучшение отношений между Москвой и Бонном, и был смещен со своего поста. Советский Союз преподавал тогда Восточной Германии урок отношений с Западом. Теперь, однако, ГДР выступает в роли учителя. Сближение Восточной Германии с Бонном в период, когда советские отношения с Западом были совершенно заморожены, косвенно демонстрирует, что расширение торговли и уменьшение числа ракет может пойти на пользу не только ГДР, но и Советскому Союзу.¹¹ И русские, столь разгневавшиеся в 1968 г. попыткой чехов определить „общие интересы”, теперь готовы прислушаться, или, во всяком случае, не мешать эксперименту, хотя и наложили вето на планировавшийся визит генерального Секретаря партии Эрика Хонекера в Западную Германию. В недавних отношениях между ГДР и СССР сильное правительство подчиненного государства вырвало инициативу из рук слабого правительства „государства-гегемона”

и стремится превратить отношения субординации в отношения партнерства. Если эта линия развития будет продолжена, она может привести к чрезвычайно интересным результатам.

Стремление к статусу партнера Москвы не обязательно способствует популярности режима у его народа. В Восточной Германии были предприняты шаги для завоевания такой популярности, связанные с определенным риском. Ослабление ограничений на эмиграцию позволило тысячам недовольных граждан ГДР покинуть страну, но поставило под сомнение уверения Восточной Германии в абсолютной верности коммунистическому режиму. Послабление это было кушлено на западногерманские деньги, но важно, что принципы, считавшиеся ранее священными, теперь поступили „на продажу”. Таким образом, Восточная Германия довольно неожиданно вышла на первый план в поисках новейших альтернатив в том регионе, где прежде их предвестниками были другие страны.

Среди этих стран продолжает выделяться Венгрия, усилия которой по расширению автономии не направлены против Советского Союза. Так же как восточногерманским правителям, Яношу Кадару удалось убедить Москву в его незаменимости, когда он начинал свою карьеру как один из немногих партийных работников, не дискредитированных перед революцией 1956 года. Кадар не только доказал свою личную незаменимость, но и, в отличие от нынешних польских руководителей, справился с последствиями восстания 1956 г., тщательно дозируя репрессии и умиротворения. Возглавленное им правительство пользуется определенным общественным признанием (благодаря теперь беспрецедентной в Восточной Европе умеренности) и уважением советского руководства, ценящего его за эффективность.

Секрет венгерского успеха заключался в соблюдении советской формы при внесении в нее иного содержания, причем об этой подмене предпочитают не говорить громко. Коллективизация сельского хозяйства была там исключительно продуктивной и сохранила „человеческое лицо”; а частному предпринимательству делаются широкие уступки. Советские руководители, хорошо понимая, что этот эксперимент нельзя перенести в их собственную страну, наблюдали за его развитием с восхи-

щением и, возможно, с завистью, но не с тревогой. Таким образом Советский Союз признал, что восточноевропейский путь может быть лучше советского — предположение, которое венгры пытаются теперь утвердить как принцип. Член Центрального Комитета Матиаш Сюрюш писал в январском (1984 год) номере *Társadalmi Szemle*, что проблемы отдельных государств советского блока „требуют не стандартных, одинаковых решений, но методов, оптимально учитывающих (национальные) особенности” и добавлял, что „национальные интересы следует подчинять общим интересам только в крайней ситуации”.¹²

Что же ожидает эту часть Советской империи — Восточную Европу — в случае, если удастся избежать „крайних ситуаций”? Десять лет назад, в декабре 1975 года, тот же вопрос был поставлен на встрече американских дипломатов в Лондоне, когда Гельмут Зонненфельд изобрел термин „органичные отношения”, вызвавший впоследствии волну негодования, поскольку он как бы „узаконивал” советское правление в этом регионе.¹³ Каковы бы ни были последствия лондонской дискуссии, ее участники указали на необходимость рассматривать текущие события в исторической перспективе, придавая больше значения их политическим аспектам.

Концепции „органичных отношений”, в том виде, в каком они были сформулированы в 1975 г., отношения, навязанные Советским Союзом странам Восточной Европы как часть „Ялтинского порядка” являются противостественными и, следовательно, опасными. Согласно Зонненфельду, их следует заменить системой, которая, не затрагивая важнейших геополитических интересов Советского Союза в этом регионе, основывается на чем-то более прочном, чем грубая сила. По его мнению, если такая система не будет создана, центробежные силы Восточной Европы „рано или поздно приведут к взрыву и, возможно, к третьей мировой войне”.¹⁴

С того времени Восточная Европа стала еще более нестабильной и гетерогенной. Многие события, особенно польские, свидетельствуют об ослаблении жизнеспособности системы, предписывающей разным народам внутреннюю политическую структуру московского образца. Но эти события показали также, что противостественность эта не обязательно ведет к

третьей мировой войне, поскольку вступают в силу сдерживающие факторы.

Первые попытки установить более органичные отношения между Москвой и зависящими от нее странами были предприняты, когда советская империя стремительно развивалась, и были вызваны этим быстрым развитием. Сегодня же, хотя империя эта сохраняет гигантские размеры и силу, она в значительной мере утратила свой динамизм, и нередко терпит поражения из-за внутренней слабости. На протяжении нескольких последних лет московское правительство было слабым, а Вашингтонское, наоборот, усиливалось. Используя советский термин, можно сказать: „мировое соотношение сил” уже далеко не так благоприятно для Москвы как в расцвет „разрядки”.

Однако за последние десять лет Советский Союз сделал очень мало для того, чтобы его правление в Восточной Европе стало более приемлемым, чтобы найти какие-то опоры помимо простой силы. Не удалось (и даже не было попыток) воскресить идеологические основы претензий на гегемонию. Усиливалась роль экономического принуждения, но не экономические стимулы. Советская система стала менее привлекательной и для СССР и для подчиненных стран. Москве приходится субсидировать восточноевропейские страны, но жители этих стран продолжают считать — справедливо или нет, — что именно зависимость от Советского Союза является причиной их технического и экономического отставания. А между тем, разрыв между Западом и Востоком в этой сфере не уменьшается, а увеличивается.

Советский Союз поддерживает господство в Восточной Европе лишь посредством грубой силы — военной, политической или экономической, но будущее нестабильной империи зависит от того, захочет ли Советский Союз уменьшить роль силы в отношениях со своими подчиненными. Это, однако, может произойти только по необходимости, а не потому, что Советский Союз вдруг оценит преимущества такого подхода. Поэтому Западу следует не пропускать те немногие возможности, которые способствовали бы такого рода переменам в советской политике.

В августе 1983 г. газета Observer сообщила, со ссылкой на

венгерские источники, о встрече Кадара с Андроповым. Предполагалось, что на повестке совещания было объединение Западной и Восточной Германии в нейтральную страну, свободную от советских и американских войск.¹⁵ Можно сомневаться в осуществимости такого плана или в правильности сообщения, но существует сам предмет обсуждения. И после кончины Андропова разговоры о радикальном пересмотре советской политики по охране интересов СССР в Европе будут постоянно вестись в Кремле, хотя, возможно, они и не принесут никаких результатов.

В этой обстановке правители восточноевропейских стран, возможно, смогут убедить Москву, что настало время для смены отношений „подчинения” на отношения „партнерства”. Однако неизвестно, пойдет ли это им на пользу. Неизвестно также, понравятся ли такие перемены Западу, который процветал, когда Советский Союз напрягал силы для удержания своего деспотического господства в Восточной Европе. В случае соответствующих перемен, ответы на эти вопросы надо будет искать не столько в Москве, сколько в других столицах региона, а Соединенным Штатам и другим странам Запада будет легче влиять на развитие событий. И если события будут развиваться не в желательном для них направлении, то винить в этом придется не только русских.

Примечания

1. George F. Kennan, *Memoirs, 1925–1950*, (Boston: Little Brown, 1967), p. 533.
2. См.: Roy E. Licklider, "Soviet Control of Eastern Europe: Morality versus American National Interest", *Political Science Quarterly* 91 (Winter 1976–77), pp. 619–28.
3. Цит. по: Adam B. Ulam, "Why the Status Quo in Eastern Europe Is a Threat to Soviet Security", in *Detente* George Urban, ed (New York, Universe Books, 1976), p. 213, также „Проблем Восточной Европы”, № 1, 1981, стр. 77–94.
4. О проблеме раздела Европы см.: A.W. DePorte, *Europe between the Superpowers: The Enduring Balance* (New Haven, Conn., Yale University Press, 1979).
5. Kennan, *Memoirs*, p. 534.
6. Зденек Млинарж, Холодом веет от Кремля. Изд-во Проблемы Восточной Европы, Нью-Йорк, 1983, с. 275–80.
7. Kennan, *Memoirs*, p. 537.
8. James F. Brown, *Bulgaria under Communist Rule* (New York, Praeger, 1970), pp. 173–87.
9. "Adverse Reaction to Soviet Missiles Seems to Be Growing in Czechoslovakia", *Soviet/East European Report* (Radio Free Europe/Radio Liberty), 1 January, 1984, p. 1.
10. "East German Party Daily Prints Church Letter Urging Blok Nations to Begin Disarming", *Soviet/East European Report* 1 (15 November 1983), p. 1.
11. James Markham, *New York Times*, 2 June 1984.
12. "National Interests Given Higher Priority than Internationalism by Hungarian Official", *Soviet/East European Report* 1 (14 February 1984), p. 1. О последующем развитии дискуссии см. "Soviet Union Joins Warsaw Pact Debate on National Interests vs. Internationalism", *Soviet/East European Report* 1 (1 June 1984), p. 1.
13. "State Department Summary of Remarks by Sonnenfeldt", *United States National Security Policy vis-a-vis Eastern Europe (The Sonnenfeldt Doctrine)*", 94th Congress, Committee on International Relations, House of Representatives, Hearings before the Subcommittee on International Security and Scientific Affairs, 12 April 1976, pp. 41–44.
14. Ibid., p. 43.
15. Lajos Lederer, *Observer* (London); на этот материал ссылается *The German Tribune*, 14 April 1983.